

СНОВА "ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ"

Волнения и тревоги этой весны глубоко потрясли Некрасова. Его "угнетенный вид" запомнили современники. Они же рассказывают, что самый образ жизни поэта заметно изменился - дом стал "менее открытым", обеды не так часты и меню куда проще. Его потянуло к природе, захотелось отдохнуть от всех дел и неприятностей, и при первой возможности он уехал в свою любимую Карабаху. А через неделю, 1 июня 1866 года, в тот самый день, когда должна была выйти в свет запоздавшая майская книжка журнала, А. Н. Пыпин, заменявший Некрасова, получил официальное извещение о закрытии "Современника". Читатели узнали об этом из газеты "Северная почта", где 3 июня было напечатано следующее сообщение:

"По высочайшему повелению, объявленному министру внутренних дел председателем комитета министров 28-го минувшего мая, журналы "Современник" и "Русское слово" вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления прекращены".

Закрытие двух журналов произвело тяжелое впечатление в различных кругах. Никитенко отметил в своем дневнике: "Я не помню давно, чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее недовольство..." (23 июня 1866 года).

Некрасов тут же вернулся в Петербург, чтобы заняться ликвидацией дел запрещенного журнала. Он дал объявление для годовых подписчиков, предложив им получить обратно деньги за восемь недоданных номеров. И тут выяснилось, что сочувствие читателей к беде, постигшей "Современник", было столь сильно, что желающих взять деньги почти не оказалось. Один из мемуаристов передает такой случай: в какой-то канцелярии нашлось сорок подписчиков, но получить деньги пожелал только один, да и на него так напали сослуживцы, что и он отказался.

Вскоре Некрасов вернулся в Карабаху, где жил до поздней осени. Зимой он провел в Петербурге, а весной 1867 года уехал за границу. В Риме он встречался с русскими художниками, особенно подружился с Валерием Ивановичем Якоби, автором картины "Привал арестантов", и его женой Александрой Николаевной, причастной к гарибальдийскому движению и знакомой с самим Гарибальди.

В Париже и Флоренции Некрасов работал над лирической комедией "Медвежья охота", где нашли выражение мысли поэта о себе, о людях 40-х годов, в частности о Белинском. Некрасов судил здесь о судьбе своего поколения с позиций человека, пережившего разгром передового общественного движения. В этом году написано несколько стихотворений, отмеченных высокой зрелостью некрасовского таланта. Первое место среди них занимает "Еще тройка", где снова возник образ политического ссыльного. Несколько лет назад, в стихотворении "Благодарение господу богу..." упоминались "в тряской телеге два путника пыльные"; отношения между ними были намечены бегло: "Подле лица - молодого, прекрасного - с саблей усач..." Теперь же поэт шире развернул сходную тему; перед нами опять дорога, опять тряская телега и те же путники, только образы их обрисованы более подробно, а усач прямо назван - жандарм:

... В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Читателю не нужно было разъяснять, кто же этот юноша; однако содержащийся в стихотворении намек на "нигилиста" и рефрен, четырежды повторенный, вносят полную ясность.

Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

Острое политическое содержание, иронические интонации и легкость свободно запоминающегося стиха сделали этот "романс" популярным среди демократической молодежи.

Тогда же примерно написан цикл стихов, посвященных русским детям. Это веселый и, должно быть, прямо списанный с натуры портрет коробейника "дядюшки Якова"; это бесхитростная "притча про пчелок", спасенных от весеннего половодья; к ним примыкает и удивительный в своей простоте и жизненности более поздний рассказ о костромском крестьянине дедушке Мазае, собиравшем в свою лодку во время разлива погибающих зайцев. Стихи проникнуты неподдельной любовью к детям, к природе, к людям того "низменного края", где любил охотиться Некрасов ("В августе, около Малых Вежей, с старым Мазаем я бил дупелей").

Стихи, посвященные русским детям (и среди них знаменитый "Генерал Топтыгин"), родились в минуты душевного спокойствия и той умиротворенности, в какую всегда погружался поэт, оказавшись наедине с природой или среди людей деревни. Отсюда светлый колорит этих стихов, их невыдуманные сюжеты, их истинно народный юмор.

Деревенскими впечатлениями навеяны и еще два стихотворения уже совсем иного характера - "Эй, Иван!" и "С работы". В первом из них как живой "намалеван" крепостной человек, впитавший в себя все пороки античеловечного уклада, доведенный господами до петли. Это "тип недавнего прошлого", по определению Некрасова:

Род его тысячелетний
Не имел угла -
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.

Тип дворового Ивана не раз привлекал внимание Некрасова. Работник на все руки, пьяный и голодный, грязный, побитый, но неунывающий, он еще в 40-х годах появлялся в некрасовских стихах. Тогда его звали Савкой: "В понедельник Савка мельник, а во вторник Савка шорник..." Но вот прошли годы, и в пореформенное время Савка - или Иван - уже сделался типом прошлого, он исчез из опостылевшей усадьбы и затерялся в народе:

Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

* * *

Летом 1867 года Некрасов возвратился из заграничного путешествия. В Петербурге его уже не ждал "Современник". Передовая часть русских писателей, публицистов, критиков лишилась своей трибуны. Русская литература и журналистика переживали тяжелые времена...

Мысль о создании нового демократического журнала буквально носилась в воздухе. И, по мнению многих литераторов, решить такую задачу мог только Некрасов. Известный в те годы беллетрист М. В. Авдеев советовал Некрасову (31 октября 1867 года): "Возьмите дозволение на журнал, назовите его "Современность", и у Вас будет 5 тысяч подписчиков... Вы обязаны сделать это для литературы: Ваше имя на обертке - знамя, которого теперь нет и значения которого вряд ли еще скоро кто добьется. Не сложить же Вам уже руки, и надо Вам появиться хоть для того, чтобы не сказали, что Вы забыты или изменились".

И Некрасов доказал, что он не сложил руки и не изменился. В это время, несмотря на почти полную безнадежность своего положения в журналистике, он уже обдумывал план издания литературного сборника и помышлял о журнале, без которого не мог существовать. Он всегда стремился к участию в освободительном, революционном движении. Журнал был одной из форм реализации этого стремления.

Весь Некрасов сказался в таком поступке: тотчас по приезде он разыскал Дмитрия Ивановича Писарева, недавно вышедшего на свободу (он больше четырех лет провел в

Петропавловской крепости), и немедленно начал с ним переговоры о сотрудничестве. Он знал, что Писарев, талантливый литератор, выдающийся критик, с закрытием "Русского слова" лишился своей постоянной трибуны, которая принесла ему огромную популярность. И он тут же заказал ему несколько статей для будущего сборника.

О том, как это произошло, мы узнаем из письма Писарева к матери: "До мне неожиданно явился утром книгопродавец Звонарев {С. В. Звонарев служил в конторе "Современника", позднее был связан с Некрасовым до издательским делам.} и сообщил мне, что Некрасов желал бы повидаться со мною для переговоров о сборнике, который он намерен издать осенью. Если, дескать, Вы желаете, Николай Алексеевич сами приедут к Вам, а если можно, то они просят пожаловать к ним сегодня утром. Я ответил, что пожалую - и поехал. Прием был, разумеется, самый любезный. С первого взгляда Некрасов мне ужасно не понравился... Но уже минут через пять свидания прелесть очень большого и деятельного ума выступила передо мною на первый план и совершенно изгладила собою первое неприятное впечатление. Было говорено достаточно - и о сборнике, и о предполагаемом журнале, и о литературе, и о современном положении дел..."

Писарев предложил для сборника три статьи, в том числе о романе Тургенева "Дым" и о Дидро. Некрасов это одобрил. А когда критик упомянул, что в "Русском слове" Благодетель платил ему по пятьдесят рублей за лист, Некрасов ответил, что он никогда не решился бы предложить ему такую плату, и тут же назначил семьдесят пять рублей за лист. Затем, узнав, что Писарев нуждается, Некрасов хотел дать деньги вперед, сколько потребуется. "Я отказался от наличных, - заканчивает свой рассказ Писарев, - но попросил записку, по которой, в случае надобности, могу немедленно получить 200 р. Записка была немедленно написана и лежит у меня в шкатулке" (3 июля 1867 года).

Сборник, задуманный Некрасовым, так и не осуществился. Но в это время Андрей Краевский, который когда-то заявил, что ни одной строки некрасовской не появится в его "Отечественных записках", сам предложил Некрасову взять на себя заведование отделом беллетристики в его потускневшем журнале, с каждым годом терявшем подписчиков.

Некрасов, конечно, отказался от участия в "оживлении" издания Краевского, сославшись на то, что лицо журнала теперь определяет не беллетристика, а прежде всего критика и публицистика. Но тут же предложил взять полностью в свои руки "Отечественные записки", с тем чтобы Краевский, оставаясь издателем, получал бы определенную арендную плату и не вмешивался в литературные дела и мнения новой редакции.

Краевский охотно пошел на это, понимая, что издание журнала, утратившего популярность, дошедшего до катастрофы, сулило ему в дальнейшем одни убытки. А эта коммерческая сторона дела составляла для него главный интерес. В специальном договоре, заключенном в конце ноября 1867 года, было обусловлено, что Некрасов становится "гласно ответственным" редактором и получает "полную свободу" во всем, что касается собственно редактирования журнала, а Краевский принимает все обязанности издателя, то есть берет на себя всю хозяйственную часть. Кроме того, издатель, прекрасно понимавший, в каком духе Некрасов будет вести журнал, выговорил себе право просматривать корректуры якобы с целью предохранения издания от возможных цензурных взысканий: но все свои замечания он должен был сообщать редакции.

Некрасов вынужден был примириться и с тем, что имя Краевского осталось на обложке журнала как имя редактора. Правительство, хотя и знало, что действительным руководителем "Отечественных записок" стал Некрасов, не разрешило объявить об этом читателям. И, несмотря на многочисленные попытки, Некрасову так и не удалось добиться официального утверждения в качестве редактора.

Все это не значило, конечно, что Некрасов собирался заключить союз с Краевским (злопыхатели уже начали язвить по этому поводу). Он слишком хорошо знал цену беспринципному издателю "Отечественных записок" и, несмотря на вежливые письма к нему, никогда бы не согласился иметь Краевского в качестве, скажем, соредатора. Просто Некрасов использовал единственную в ту пору возможность восстановить печатный орган русской

демократии, хотя и понимал, что для этого придется пойти на некоторые жертвы. Об организации нового журнала нечего было и думать. Некрасов понимал, что разрешения на это он не получит, - недавно закрытый "Современник" был хорошо памятен в правительственных кругах.

Договор с Краевским означал важную победу Некрасова в борьбе за журнал, которому предстояло развивать традиции Чернышевского и Добролюбова. Русская демократическая мысль вновь обретала для себя трибуну.

Однако переход "Отечественных записок" в руки Некрасова проходил не без трудностей. Репутация Краевского и его журнала была такова, что вступать в соглашение с ним приходилось с осторожностью. В октябре 1867 года Некрасов собрал по этому поводу совещание, на котором присутствовали его соратники по "Современнику" Салтыков и Елисеев, а также Писарев. Некрасов поднял вопрос о том, рассказывает Елисеев, брать ли в аренду "Отечественные записки", и все на это согласилось. Согласились и на то, чтобы журналу при новой редакции дано было направление "Современника". Затем зашла речь о редакторе. И здесь Салтыков и Елисеев решительно запротестовали против того, чтобы им значился (хотя и номинально) Краевский, и даже хотели уйти. Но Некрасов удержал их: - Поверьте, что Краевский в качестве ответственного редактора будет тише воды, ниже травы. Журнал до сих пор не давал ему ничего, кроме чистого убытка и хлопот, а теперь он будет получать арендную плату... Что касается до криков других журналов и газет об этом странном соединении прежних сотрудников "Современника" с Краевским, об измене их прежнему направлению, то ведь за нас будет говорить сам журнал. Из него увидят все, изменили ли мы прежнему направлению.

"В таком роде, - продолжает Елисеев, - держал к нам свою речь Некрасов, и мы с Салтыковым не могли не признать ее резонною". Елисеев рассуждал так: "... что же тут дурного, что мы отнимаем орган у противной нам партии и превращаем его в орган своей партии. Тут мы не только ничего не проигрываем, напротив, приобретаем. Надобно только устроить дело так, чтобы мы стали в нем вполне независимы от собственника журнала".

К этому рассказу Елисеева можно лишь добавить, что суть дела действительно заключалась в переходе журнала из рук одной партии в руки другой. И это прекрасно понимал Некрасов, начавший активно осуществлять этот переход.

Осенью 1867 года он приступил к собиранию сил новой редакции "Отечественных записок", стремясь привлечь к делу прежних сотрудников запрещенного "Современника". Для руководства журналом Некрасов организовал новый триумvirат - пригласил Салтыкова (отдел беллетристики) и Елисеева (отдел публицистики), а себе, кроме общего руководства, оставил отдел поэзии. Отделом библиографии ведал Н. С. Курочкин. Секретарем редакции был В. А. Слепцов, а с 1872 года - А. Н. Плещеев.

Всю нелегкую работу по изданию журнала Некрасов вел совместно с Салтыковым, часто опираясь на его опыт и талант, прислушиваясь к его советам. "Без него, - писал Некрасов о Салтыкове, - конечно, дело не может склеиться..." Когда в 1875 году тяжело больной сатирик отправился за границу для лечения, Некрасов не находил себе места от тревоги за его жизнь. Он писал Анненкову в Баден-Баден: "Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко; Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему" (27 апреля 1875 года).

В день отъезда Салтыкова Некрасов сложил стихи, в которых запечатлелась вся атмосфера тогдашнего журнального дела, требовавшего от своих рыцарей поистине подвижнических усилий:

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь - журнальный путь...
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,

Но где мы снисхождение купим
Трудом у мыслящих людей.
Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

Со своей стороны, Салтыков глубоко уважал Некрасова, ценил его как поэта и редактора, преклоняясь перед его усилиями в борьбе за сохранение журнала. Одно из писем Салтыкова 70-х годов служит превосходным дополнением к только что приведенным некрасовским стихам: "Хлопоты с цензурой унижительные, и, право, я удивляюсь Некрасову, как он выдерживает это. Как хотите, а это заслуга, ибо, собственно говоря, он материально обеспечен. Стало быть, тут что-нибудь, кроме денежного расчета, действует. Боюсь, что он устал, что-то начинает поговаривать об отставке. А без него мы все - мат" (15 апреля 1876 года). И в другой раз, когда Некрасов был уже тяжело болен: "Как только Некрасов умрет (в чем я почти не сомневаюсь), так, вероятно, рушатся и "Отечественные записки" (25 ноября 1876 года).

Самому же Некрасову Салтыков в это время писал: "Болезнь Ваша тревожит и мучит меня лично совершенно так же, как и моя собственная. Тоскливо, тревожно, ничего делать не хочется. Условия деятельности так сложились, что она возможна только вместе, а без деятельности и жизнь имеет мало смысла..." (13 октября 1876 года).

Роль главного критика в новых "Отечественных записках" по предложению Некрасова взял на себя Писарев. И он действительно уже в первых номерах 1868 года опубликовал несколько больших статей. Но смерть (во время купанья в море) внезапно оборвала так успешно начатую и многообещающую деятельность. Некрасов был взволнован этой ранней гибелью. Он написал проникновенные стихи, которые заканчивались так:

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
"У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает..."

С конца 1868 года в "Отечественных записках" начал работать молодой, радикально настроенный публицист и критик Н. К. Михайловский. Надо признать, что лучшего выбора Некрасов не мог бы сделать. В одном из писем он так писал о новом литераторе: "... есть у нас сотрудник Н. Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, предстоит хорошая будущность..." (15 июля 1869 года).

Михайловский же навсегда сохранил преклонение перед Некрасовым - руководителем "Отечественных записок". Ему даже казалось, что редакторская работа Некрасова значила больше, чем его поэтическая деятельность.

Из бывших сотрудников "Современника" в новой редакции не оказалось Ю. Г. Жуковского, М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Некрасову пришлось расстаться с ними, потому что они претендовали на такие права и такую власть в журнале, какими обладал сам Некрасов. Он не принял условий, выдвинутых Жуковским от имени всей группы.

Раздраженный Жуковский вместе с Антоновичем начал против Некрасова "словесную войну". Они выпустили скандальную брошюру, нечто вроде памфлета, под заглавием "Материалы для характеристики русской литературы" (1869), в которой весьма грубо пытались скомпрометировать Некрасова в общественном мнении, сводили с ним мелкие счеты, намекали на мнимое вероломство по отношению к недавним сотрудникам и, главное, обвиняли в измене знамени Чернышевского, подтверждая это ссылкой на примирение с давним противником, либералом Краевским.

Это были тяжелые обвинения. Противники Некрасова и обновленных "Отечественных записок" ликовали по поводу раздора во враждебном лагере. Б. Маркович писал о брошюре: "Это утешительное явление в смысле разоблачения одного из главнейших авторитетов для молодежи нашего тяжелого времени". Марковичу вторил на страницах журнала "Заря" критик Н. Страхов: "Нас не могло не порадовать появление книжки гг. Антоновича и Жуковского; авось она снимет с кого-нибудь ярмо авторитета..."

Еще до этого тот же Страхов в письме уже без всяких церемоний заявил: "Антонович... и Жуковский... намерены растерзать Некрасова - в добрый час!" {Цит. по книге М. В. Теплинского "Отечественные записки" (1868-1884). Южно-Сахалинск, 1966, стр. 66.}

Некрасов молчал. На брошюру Антоновича и Жуковского отвечали в "Отечественных записках" Салтыков и Елисеев. Некрасов знал, что книжки обновленного журнала говорили сами за себя и наглядно опровергали - из месяца в месяц - возмутительные наветы. Только спустя много лет Антонович вынужден был признать свою ошибку. "Я откровенно сознаюсь, что мы ошиблись относительно Некрасова: он не изменил себе и своему делу, но продолжал вести его горячо, энергично и успешно", - писал он в 1903 году в очерке "Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове".

Что Антонович и Жуковский ошиблись, скоро стало ясно для всех. И писатели, и читатели, и цензура увидели, что некрасовский журнал является продолжением "Современника". Показательно в этом смысле отношение Л. Н. Толстого к "Отечественным запискам". В августе 1874 года он послал Некрасову статью "О народном образовании" и при этом писал: "Несмотря на то, что я так давно разошелся с "Современником", мне очень приятно посылать в него свою статью, потому что связано с ним и с вами очень много хороших молодых воспоминаний". Между тем Толстой хлопотал о помещении статьи в "Отечественных записках", где она вскоре и была напечатана. Это была, вероятно, обмолвка Толстого, но обмолвка характерная: в его сознании два некрасовских журнала соединились в один.

Подобное мнение было широко распространено в то время. "Современник" возобновил свое существование в виде "Отечественных Записок", - писал П. Д. Боборыкин. Но, пожалуй, наиболее обстоятельно это мнение обосновал цензор Юферов. В одном из своих донесений он писал: "В течение последних лет направление "Отеч. Зап." резко делится на два совершенно несхожие между собой периода. Умеренно-консервативные и почти безукоризненные в цензурном отношении до 1868 года, "Отеч. Зап." с этого времени вдруг заражаются вредной тенденциозностью прежнего "Современника" и на этом поприще подвизаются и поныне. Эта резкая перемена в направлении объясняется вступлением в журнал бывшего редактора "Современника" Н. А. Некрасова, а с ним вместе и бывших сотрудников этого журнала Щедрина, Елисеева и др. "Отеч. Зап." не только предаются крайним утопическим увлечениям "Современника", но стараются представить совершенно верное продолжение этого, приостановленного по высочайшей воле, издания: подбор статей, система их расположения, содержание их, внешний вид издания, даже шрифт, все это как бы воскрешает "Современник", только под названием "Отечественных Записок". О воскрешении "Современника" говорили и другие, даже чисто внешние признаки: редакция помещалась в том же доме, на углу Литейной и Бассейной, в той же квартире Некрасова. "Тот же лакей угрюмого вида, - вспоминал Скабичевский, - встречал вас в передней; та же попорченная молью колоссальная медведица с двумя медвежатами стояли у среднего окна... так же по понедельникам собирались сотрудники в час пополудни. Словом, все шло по-старому, как было полтора года назад".

Что же касается существа дела, то Некрасов (вместе с Салтыковым) сделал все, что мог, для возрождения в новом издании боевых традиций "Современника". И здесь Некрасов снова показал себя как великолепный редактор и организатор литературного дела.

Некрасов был не просто хорошим, но идеальным редактором журнала. Так считали даже те литераторы, которые не принадлежали к числу его единомышленников и доброжелателей. "Лучшего редактора, как Некрасов, я не знал, - пишет П. М. Ковалевский, -... умнее, пронизательнее и умелее в сношениях с писателями и читателями никого не было... Редакция руководилась им неуклонно, как оркестр хорошим капельмейстером. Так, как хороший капельмейстер набирает хороших музыкантов и, убедившись в их уменье делать свое дело,

требует одного внимания к движениям своей палочки, так и Некрасов умел подобрать сотрудников, которым довольно было сказать: "отцы, маленечко потише!.." или "приударить позволяется, отцы, - валяйте...", и редакционный оркестр исполнял литературные симфонии и фуги, каких в других редакциях не исполнялось".

С необыкновенной энергией, пронизательностью и чутьем привлекал Некрасов к участию в своих журналах разных литераторов. У Некрасова "есть талант отыскивать и приманивать таланты", - утверждал Гончаров. Добавим, что таланты приманивались нужные и полезные журналу, так или иначе отвечавшие его направлению и идеям. К сотрудничеству в "Отечественных записках" Некрасов прежде всего, естественно, пригласил писателей, печатавшихся раньше в "Современнике": А. Н. Островского, Г. И. Успенского, В. А. Слепцова, Ф. М. Решетникова, А. И. Левитова, Марко Вовчок, А. Н. Плещеева. Они горячо откликнулись на приглашение Некрасова. "Быть сотрудником журнала, руководимого Вами, - писал Некрасову 8 декабря 1867 года Плещеев, - я считаю не только за особое удовольствие, но и за честь... Ведь, право, руки отнимались - работать никакой охоты не было, когда ни одного сколько-нибудь сносного журнала не было".

Наряду с бывшими сотрудниками "Современника" Некрасов привлек в "Отечественные записки" и эмигрантов - П. Лаврова и В. Зайцева. "Открыты" и поддержаны Некрасовым были и многие молодые писатели: С. Н. Терпигорев, Н. Е. Каронин, Н. Н. Златовратский. Некоторые из них (Д. П. Сильчевский, Г. А. Мачтет и другие) были участниками народнического движения. Все они вспоминали о Некрасове-редакторе с глубокой благодарностью. "К начинающим писателям он относился с большим вниманием, охотно давал им разные советы. Нельзя было при этом не любоваться его умом", - писал Михайлов.

О внимании Некрасова к молодым литераторам, о щедрости и заботливости по отношению к ним ходили почти легенды. Вот еще свидетельство очевидца. Начинаящая писательница Л. Нелидова принесла в редакцию чуть ли не первую свою рукопись. "Меня поразил прежде всего тон Некрасова, - рассказывала она, - оттенок бережной и как бы почтительной внимательности, с которою он обращался ко мне. Мы словно поменялись ролями... Ни малейшей тени сознания своего значения, желания играть роль, произвести впечатление не было заметно в нем. Он говорил со мною так, как будто бы я была Жорж Санд, и он, исполняя поручения редакции, решался просить меня продолжать занятия литературой и сотрудничать в "Отечественных записках".

Отзывов такого рода в воспоминаниях современников сохранилось множество.

Перечень писателей, публицистов, критиков, привлеченных Некрасовым к участию в "Отечественных записках", и сотрудников редакции говорит сам за себя. Не мудрено, что "целое поколение, поколение 70-х годов, энергичное и боевое, считало "Отечественные записки" почти что своим органом" (О. В. Аптекман). При этом Некрасов-редактор отнюдь не страдал узостью или ограниченностью. В своем отношении к литературе и писателям он был широк и объективен. "В этом смысле, - вспоминает П. Д. Боборыкин, - я, по крайней мере, на своем писательском веку не знавал редактора более либерального, чем Некрасов, беря слово "либеральный" в его применении к свободе авторского труда". Мемуарист рассказывает, что Некрасов весьма сдержанно пользовался своими редакторскими правами, не стеснял оригинальности и творческой инициативы писателей, не заставлял их "подделываться под тон издания", не требовал от них "часто горьких и унижительных уступок, не вызываемых вовсе цензурными соображениями". Отмечая, что редактор весьма строго "держался своего знамени", Боборыкин обращает внимание на то, что Некрасов печатал и такие произведения, как "Подросток" Достоевского, показывая "широкое отношение к таланту и авторской самобытности". Эта широта сказалась и в том, что в "Отечественных записках" появлялись романы и статьи самого Боборыкина и некоторых других авторов, и это не мешало журналу быть изданием удивительно цельным. Произведения разного характера и разных жанров, печатавшиеся в журнале, били в одну цель и прекрасно дополняли друг друга. Современники не раз отмечали, что в русской журналистике вряд ли был другой редактор, более преданный интересам литературы, чем Некрасов. Вся его деятельность журналиста была одушевлена любовью к делу, к успехам свободной русской мысли и литературы. Это видели и читатели "Отечественных записок". Изменение скучнейшего журнала без направления, каким он был при

Краевском, было поразительно. Недаром в первый же год при Некрасове подписка поднялась с двух до пяти тысяч, а в следующем году увеличилась еще на одну тысячу.

Огромных усилий требовала от Некрасова борьба с цензурой и "литературной политикой" самодержавия. Журнал, стоявший в центре общественно-литературного движения, боровшийся с царизмом, остатками крепостничества и капитализмом, пропагандировавший идеи социализма и революции, находился под наблюдением цензуры и правящих кругов. И Некрасов должен был проявить много воли и ума, чтобы найти те "щиты и громоотводы", которые уберегли бы журнал от репрессий и сохранили ему жизнь. 20 января 1877 года Салтыков писал А. Энгельгардту; "В отношении "Отечественных записок" принято совершенно особое правило - не давать предостережений, а прямо арестовывать номер и предавать сожжению. Понятно, сколько змеиной мудрости требуется, чтобы издавать журнал при наличности постоянной угрозы в этом духе... Я положительно убеждаюсь, что не гожусь для такой деятельности, и ежели Некрасов умрет, то не знаю, как и поступить".

Змеиная мудрость! Она, разумеется, вовсе не сводилась к "прикармливанию" цензоров и влиятельных лиц, к проигрышам в карты, подаркам и всяческим одолжениям им, о чем много пишется в книгах о Некрасове. Для этого не надо было обладать особой мудростью. Редакторская мудрость Некрасова - это прежде всего глубокое понимание и использование противоречий и слабостей политики правящих кругов и тех лиц, которые ведали литературой и журналистикой. Некрасов безошибочно угадывал их замыслы.

Либеральный министр внутренних дел Валуев полагал, что оппозиционную и демократическую печать следует не запрещать, а направлять и "перевоспитывать", подчиняя ее видам правительства. Такой политики министр придерживался и в отношении некрасовского журнала. Он прикрепил к "Отечественным запискам" (освобожденным от предварительной цензуры) неофициального цензора, члена совета Главного управления по делам печати гофмейстера Феофила Толстого, который с его ведома и одобрения должен был вести наблюдение за журналом и влиять на него своими увещаниями и рекомендациями, например, такого рода: "Карайте пороки, но дайте душе и воображению хоть немного открыться".

Действия цензурного руководства Некрасов умело обращал в свою пользу. И в этом ему помогал сам "наблюдающий" Ф. Толстой. Дело в том, что он был не только гофмейстер, но и музыкальный критик, весьма заурядный, кичившийся своей причастностью к искусству. Некрасов знал слабое место маленького литератора с большим самомнением: ему хотелось печататься в солидном журнале. Да и внимание такого знаменитого поэта, как Некрасов, было ему очень лестно. Фактическому редактору "Отечественных записок" ничего не оставалось, как скрепя сердце пригласить Толстого вести в журнале музыкально-театральное обозрение, что он делал и при Краевском.

В результате проводник политики Валуева не только не влиял на "Отечественные записки", но и сам настолько подчинился влиянию Некрасова, что начал верой и правдой защищать его журнал от нападков и взысканий. Некрасов же учитывал, что советы и предложения неофициального цензора для него необязательны, но в случае цензурных гонений он сможет укрыться за его спиной.

Так и случилось в 1871 году. "Отечественным запискам" грозило предостережение (для закрытия журнала достаточно было трех предостережений). Некрасов решительно опротестовал решение управления по этому поводу, ссылаясь на то, что журнал просматривался Ф. Толстым. В результате предостережения не последовало, а Толстой лишился своей должности, после чего, естественно, прекратилось его сотрудничество в "Отечественных записках".

В своей борьбе с цензурой Некрасов учитывал и другое важное обстоятельство - разногласия внутри цензурного ведомства и между отдельными цензорами. Он знал, что среди них есть и ярые реакционеры, и люди, которые являются противниками "крайних стеснений" печати, в той или иной мере сочувствующими демократическому и реалистическому направлению в литературе. Иные из цензоров имели при этом и сами касательство к

писательскому ремеслу. В годы, когда Некрасов редактировал "Отечественные записки", таким просвещенным цензором был В. М. Лазаревский, весьма влиятельный член совета Главного управления по делам печати. Он к тому же был страстным охотником и даже автором солидной книги об охоте на волков. И так случилось, что Некрасов довольно близко сошелся с Лазаревским. Они вместе охотились, часто ездили в Чудово, где Некрасов купил охотничий домик или дачу и стал там бывать, живя в Петербурге.

Мало-помалу Лазаревский стал оказывать неоценимые услуги "Отечественным запискам", поддерживая их в управлении, информируя Некрасова о возможных опасностях; он не раз с риском для себя выручал журнал в трудных случаях. Письма и записки Некрасова и Лазаревского друг другу насчитываются десятками.

Таковы некоторые штрихи, рисующие "змеиную мудрость" Некрасова в борьбе с цензурой. Конечно, ничто не могло спасти журнал от преследований и репрессий, ему постоянно угрожало запрещение, номера нередко задерживались, целые статьи вырезались из готовых книжек, а майская книжка за 1874 год была целиком сожжена. Чего это стоило Некрасову, как он страдал и негодовал, нечего и говорить. И тем не менее он с поразительным терпением и мужеством вел этот корабль литературы "среди бесчисленных подводных и надводных скал" (слова Михайловского).

Конечно, в отношениях Некрасова с Толстым или с Лазаревским не все вызывает сочувствие; не раз в силу обстоятельств приходилось ему вступать в "сделки с совестью своей". Но и здесь образ редактора "Отечественных записок" выступает в подлинном своем значении, как образ человека яркого и сильного, заботившегося не о своем личном успехе, а о благе русской литературы и русского народа.